

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-159-165

© А. А. Терещук

КАРЛИСТСКАЯ ТЕМА В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО»

Впервые опубликованная в 1835 году повесть Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» вошла в состав сборника «Арабески». Главный герой произведения — чиновник Аксентий Поприщин — сходит с ума и воображает себя королем Испании. В результате помешательства протагонист «становится не просто испанским королем, но „новым человеком“»,¹ что является отражением гротескной реальности его мира. Однако выбор персонажа, которым представляет себя гоголевский герой, не является случайным. В 1833–1840 годах в Испании проходила Первая Карлистская война, поводом к которой стал династический спор за испанскую корону. Как отмечал Н. Л. Степанов, «все рассуждения безумного Поприщина об испанских делах <...> имеют злободневный характер, задевают совершенно конкретные факты западноевропейской политической жизни».² Делая своего героя «испанским королем» (а не «английским» или «французским»), Гоголь придавал своему произведению некоторые черты политической сатиры.³

Привязка «Записок сумасшедшего» к актуальной повестке дня середины 1830-х годов отмечалась не только Степановым, но и целым рядом исследователей. Так, базовая информация о Первой Карлистской войне содержится в примечаниях И. А. Виноградова и В. А. Воропаева к Полному собранию сочинений и писем Н. В. Гоголя в 17 томах.⁴ И. П. Золотусский уделяет некоторое внимание событиям на Пиренейском полуострове, хотя и допускает несколько несущественных фактологических неточностей.⁵ Многие литературоведы, изучающие «Записки сумасшедшего», ограничиваются лишь кратким упоминанием об испанской тематике.⁶

¹ Кривонос В. Ш. Гротескная реальность и нарративный гротеск в «Записках сумасшедшего» Гоголя // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2015. Т. 74. № 5. С. 48.

² Степанов Н. Л. Н. В. Гоголь. Творческий путь. 2-е изд. М., 1959. С. 272.

³ Конечно, было бы некорректно рассматривать «Записки сумасшедшего» как сатиру в чистом виде. Ю. В. Стенник писал, что «в жанре сатиры <...> была утверждена идея высокого гражданственного назначения литературы. Эта патриотическая в основе своего содержания идея служила оплодотворяющим стимулом для развития русской сатиры на всем протяжении XVIII в.» (Стенник Ю. В. Русская сатира XVIII века. Л., 1985. С. 348). Представляется сомнительным, что Гоголя настолько занимали проблемы конституционных преобразований и административных реформ в испанском обществе, что он поставил бы своей задачей в сатирической форме обличать « пороки » современной ему Испании. Разумеется, можно допустить, что, сатирически изображая Испанию, писатель имел в виду Россию. Произведение допускает возможность различных интерпретаций, и его трактовка исключительно как политической сатиры была бы сильным упрощением.

⁴ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М., 2009. Т. 3–4. С. 597–600.

⁵ Он пишет, что Изабелла наследовала Фердинанду VII в силу «завещания», в то время как на самом деле она получила корону благодаря Прагматической санкции 1830 года; указывает, что до 1830 года престол могли наследовать только мужчины — однако и до Прагматической санкции в определенной (хотя и маловероятной) ситуации на престоле могла оказаться женщина (Золотусский И. П. «Записки сумасшедшего» и «Северная пчела» // Золотусский И. П. Поэзия прозы: Статьи о Гоголе. М., 1987. С. 145).

⁶ См., например: Игнатьева Е. А. Тема журнализма в повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» // Альманах современной науки и образования. 2008. № 8 (15). С. 67; Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб., 1997. С. 650; Ревзина О. Г. «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя // Europa Orientalis. 2012. Т. 31. С. 57–99; Скрипник А. В. Общественно-литературный фон повести «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. С. 12–13; Hernández Lara V. El San Petersburgo real e imaginado por N. V. Gógol // Revista de Filología Románica. 2011. № 2. P. 210; Monforte Dupret R. Ecos Cervantinos en la obra literaria de N. V. Gógol // Eslavística Complutense. 2005. № 5. P. 10; Shmarev D. Los elementos de la prosa experimental en *Los apuntes de un loco* // Cuadernos de Rusística Española. 2009. Vol. 5. P. 101.

Л. В. Пумпянский подробно обрисовал политическую обстановку в Испании в правление Фердинанда VII (1813–1833) и в начале Первой Карлистской войны.⁷ Исследователь попытался соотнести сюжет повести с реальными историческими событиями и пришел к выводу, что действие произведения происходит в 1834 году.⁸ Впрочем, как будет показано далее, рассуждения Пумпянского относительно хронологии могут быть подвергнуты критике. Кроме того, автор не рассмотрел аллюзии в гоголевском тексте на события в Испании в 1830-х годах и на историю раннего карлизма.

Целью настоящей статьи является анализ отражения событий начального этапа (1833–1834) Первой Карлистской войны в повести «Записки сумасшедшего». «Сюжеты Гоголя, как „кентавры“: они двунатурны: одна натура в обычно понимаемом смысле; другая — натура сознания»,⁹ — писал о Гоголе Андрей Белый. В аналогичном ключе рассуждал о произведениях писателя Ю. М. Лотман: «Гоголевский текст — не исписанная тетрадь, а огромное число противоречащих друг другу, но в равной степени реальных вариантов».¹⁰ «Записки сумасшедшего» — это произведение, которое можно интерпретировать на нескольких смысловых уровнях. Карлистская тема в повести (аллюзии на историю раннего карлизма) представляет собой один из этих уровней.

Гоголь и Испания

Перед рассмотрением собственно карлистских мотивов в «Записках сумасшедшего» представляется целесообразным проанализировать, что Гоголь мог знать об Испании на момент написания повести. В его письмах с 1820 года по начало 1835-го эта страна упоминается всего один раз. В апреле 1834 года он сообщает своей матери: «Одно слово сестре Марии: она писала мне о картах, которые где-то видела. Если там есть карты Галиции, Буковины <...> и вообще западных славянских земель и Австрии, то пусть приобретет. Но мне не нужно ни Франции, ни Голландии, ни Испании, ни Швеции, ни Англии, ни Италии, ни Швейцарии, ни Дании».¹¹ За несколько месяцев до завершения работы над произведением Гоголь не проявляет интереса к географии страны, «королем» которой он сделает своего главного героя.

Тем не менее определенное любопытство Испания у писателя вызывала; по мнению некоторых исследователей, Гоголь изучал испанский язык.¹² Кроме того, в 1832 году он начал заниматься английским языком и переводил на русский «Сказки Альгамбры» («Tales of the Alhambra») американского дипломата и литератора В. Ирвинга.¹³ Это произведение представляет собой сборник новелл, большая часть из которых в той или иной степени связана с замком-дворцом Альгамбра в Гранаде. Являясь ярким примером романтизма в американской литературе, «Сказки Альгамбры» рисуют образ экзотической, непохожей на другие страны Европы Испании, которая в большей степени принадлежит к культурному пространству Востока, чем Запада. «Испания» в воображении Поприщина (инквизиция, посвящение в рыцари) отчасти соответствует данному романтизированному представлению, часто встречавшемуся в европейской литературе XIX века.

В 1834 году, через два года после знакомства со «Сказками Альгамбры», читая лекции по истории Средних веков, Гоголь уделил некоторое внимание испанской истории. «Испания издавна отличалась смешением наций, разнообразием колоний, трудо-

⁷ Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 337–338.

⁸ Там же. С. 338–339.

⁹ Белый А. Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934. С. 45.

¹⁰ Лотман Ю. М. О «реализме» Гоголя // Лотман Ю. М. О русской литературе. С. 695.

¹¹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 10 т. [М.; Л.], 1940. Т. 10. С. 315. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

¹² Monforte Dupret R. Ecos Cervantinos en la obra literaria de N. V. Gógol. P. 9.

¹³ Манн Ю. В. Гоголь. Книга первая. Начало. 1809–1835. М., 2012. С. 376.

любием жителей, изобилием блестящих талантов даже во время упадка империи» (9, 128), — начинает он свои заметки о вестготской Испании. Многие рассуждения Гоголя больше напоминают художественное произведение, чем строгое академическое исследование, например: «Беспечность вестготских вассалов и графов, покоренных жарким испанским климатом, изобилием страны, были причиною, что владения вестготов не образовывали связанного политического тела <...> Бандитская и вместе пустынная жизнь, исполненная беспрерывных приключений, оставила глубокие следы в характере испанской нации» (9, 129–130). Впрочем, такого рода логические заключения часто встречались в трудах историков XIX века. Для нас важным является тот факт, что Гоголь занимался испанской историей осенью 1834 года, когда работа над «Записками сумасшедшего» находилась в финальной стадии.

Интересно, что через два года после выхода повести Гоголь, возможно, совершил путешествие в Испанию, где все еще продолжалась Первая Карлистская война. По мнению Воропаева, эта поездка состоялась в июне–июле 1837 года.¹⁴ Если Гоголю действительно удалось побывать на Пиренейском полуострове в указанные даты, то этот визит пришелся на один из ключевых моментов конфликта — на так называемую Королевскую экспедицию, в ходе которой карлисты были близки к тому, чтобы взять Мадрид.¹⁵

Хронология

Как уже было отмечено, Пумпянский относил действие повести к осени 1834 года. По мнению исследователя, 5 декабря Поприщин «читает — при обычном запоздании сведений (через французские и английские газеты) о *летних и осенних событиях* 1834 г.».¹⁶ Пумпянский определяет время действия «Записок сумасшедшего» как 1834 год на основании двух заключений: «1) так как он (Поприщин. — А. Т.) назвал себя Фердинандом VIII, то, очевидно, он знает, что Фердинанд VII умер, а это было в сентябре 1833 г.; а так как цензурное разрешение 10 ноября 1834 г., то у нас оба термина есть; 2) так как и французы его враги, то вероятнее всего, что „ноябрь“ и „декабрь“ надо понимать 1834 г., а не 1833 г., потому что только в апреле 1834 г. либеральное министерство вошло в союз с Англией и Францией».¹⁷

Логика рассуждений Пумпянского строится на предположении, что петербургские газеты в 1830-е годы публиковали известия из Испании с опозданием на 3–4 месяца. В действительности новости достигали России гораздо быстрее. Так, Фердинанд VII умер 29 сентября 1833 года (по григорианскому календарю); главная столичная газета «Санкт-Петербургские ведомости» напечатала сообщение о его смерти 7 (19) октября,¹⁸ т. е. через 20 дней. Упомянутый Пумпянским Четверной союз Великобритании, Франции, Испании и Португалии был заключен 22 апреля 1834 года; сообщение об этом появилось 1 (13) мая,¹⁹ через 21 день. Таким образом, 5 декабря 1833 года в Санкт-Петербурге было уже давно известно о смерти Фердинанда VII и начале войны в Испании. Вторым аргумент Пумпянского также может быть подвергнут критике. Конечно, договор о Четверном союзе был подписан только в 1834 году, однако Англия и Франция с самого начала Первой Карлистской войны поддерживали либеральное

¹⁴ Воропаев В. А. Был ли Гоголь в Испании: современный взгляд // *Universum Humanitarium*. 2016. Вып. 2. № 1. С. 96–107.

¹⁵ Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос, как Гоголю между 27 июня и 16 июля 1837 года удалось попасть из Барселоны в Мадрид: как раз в эти даты Королевская экспедиция карлистов вела боевые действия в Каталонии и Арагоне и сообщение между двумя крупнейшими городами страны было нарушено. См.: *Albi de la Cuesta J.* El ejército carlista del norte (1833–1839). Madrid, 2017. P. 306–347.

¹⁶ Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 338.

¹⁷ Там же. С. 339.

¹⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1833. 19 окт. № 235. С. 1104.

¹⁹ Там же. 1834. 1 мая. № 98. С. 383.

правительство в Мадриде и признали права Изабеллы, дочери покойного Фердинанда, на престол.²⁰ Соответственно, Поприщин мог воспринимать Англию и Францию как своих «врагов» уже осенью 1833 года.

Некоторые признаки указывают на то, что Поприщин сходит с ума в 1833 году. Действие повести начинается 3 октября. Можно предположить, что эта дата выбрана Гоголем неслучайно: именно 3 октября 1833 года (по григорианскому календарю) в Испании началась Первая Карлистская война, отправной точкой в которой стало восстание, поднятое сторонниками дона Карлоса в Талавера-де-ла-Рейна в ночь со 2 на 3 октября.²¹ Кроме того, 3 октября 1833 года (по юлианскому календарю) в газете «Северная пчела», которую обычно читал Поприщин, было опубликовано сообщение о том, что легитимистскому претенденту на французский престол Генриху Шарлю Д'Артуа, герцогу Бордосскому исполнилось 13 лет, что означало, что он мог заявить о своих правах на трон.²² Появление в Европе еще одного претендента на престол (правда, французский) совпало с началом повествования Поприщина, будущего «кандидата» на испанскую корону. Сам Поприщин читает «Пчелку» на следующий день, 4 октября (№ 224). В номере, с которым ознакомился герой, нет ничего об Испании, но есть заметка о попытках французских легитимистов нелегально провезти оружие во Францию.²³ В то же время номера «Северной пчелы» за 3 и 4 октября 1834 года содержат обычные, малоинтересные известия о ходе войны в Испании.²⁴

Среди других дат, упоминаемых Поприщиным, заслуживает внимания 13 ноября. Читая собачью переписку, он делает замечание: «Желал бы я сам сделаться генералом...» (3, 205). На следующий день (в 1833 году) исполнилось аналогичное желание одного карлистского офицера: полковник Т. де Сумалакарреги стал главнокомандующим армией дона Карлоса в Наварре.²⁵ Хотя официально генеральский чин был присвоен ему только летом следующего года, во всех документах после ноября 1833 года Сумалакарреги именовался «генералом» («general»). Сумалакарреги будет командовать карлистскими войсками на севере Испании до своей гибели в 1835 году и станет наиболее известным военачальником на стороне дона Карлоса. Имя этого офицера было впервые упомянуто в российской прессе 12 (24) декабря 1833 года.²⁶ В течение 1834 года он практически ежедневно фигурировал на страницах столичных газет; 17 (29) августа 1834 года «Санкт-Петербургские ведомости» опубликовали краткую биографию Сумалакарреги.²⁷ Соответственно, Гоголь, работая над «Записками сумасшедшего», мог получить из прессы подробную информацию о главнокомандующем доне Карлоса и зашифровать в текст произведения отсылку к важному событию в жизни Сумалакарреги.

Впрочем, было бы ошибкой относить действие повести и к 1833 году: Поприщин указывает 4 октября, что «сегодня среда» (3, 196), однако в 1833 году 4 октября выпало на пятницу, а в 1834 году — на субботу. Кроме того, 5 декабря Поприщин записал, что «все утро читал газеты» (3, 206). Однако 5 декабря 1833 года о событиях в Испании не писали ни «Северная пчела», ни «Санкт-Петербургские ведомости»;²⁸ 5 декабря 1834 года в газетах были напечатаны уже ставшие обыденными сводки с театров боевых действий в Испании, которые вряд ли могли поразить героя повести.

Таким образом, было бы не совсем корректно однозначно относить действие «Записок сумасшедшего» к 1833 году или к 1834-му. Создавая произведение, Гоголь не

²⁰ Ochoa Brun M. A. Historia de la diplomacia española. Madrid, 2017. Vol. XI. P. 402–403.

²¹ Oyarzún R. Historia del carlismo. Valladolid, 2008. P. 18–19.

²² Северная пчела. 1833. 3 окт. № 223. С. 890.

²³ Там же. 4 окт. № 224. С. 894.

²⁴ Там же. 1834. 3 окт. № 223. С. 892; Там же. 4 окт. № 224. С. 894–895.

²⁵ Терещук А. А. Т. де Сумалакарреги и его роль в Первой Карлистской войне (1833–1840) // Вестник Пермского ун-та. История. 2017. № 2 (37). С. 149.

²⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1833. 12 дек. № 291. С. 1231.

²⁷ Там же. 1834. 17 авг. № 190–191. С. 746.

²⁸ Как показал просмотр всех номеров «Санкт-Петербургских ведомостей» за декабрь 1833 года, в этом месяце о войне в Испании упоминалось в 21 номере из 24. Поприщин читает газеты в один из редких дней, когда новостей о ходе конфликта в столичной прессе не появилось.

ставил своей задачей обозначить четкие хронологические рамки действия повести и реалистично изобразить жизнь Поприщина. При этом некоторые даты, фигурирующие в гоголевском тексте, могут восприниматься как аллюзии на реальные события Первой Карлистской войны.

Поприщин как Дон Карлос

Поприщин именует себя Фердинандом VIII, выбирая для себя такое же имя, как и у скончавшегося в 1833 году испанского монарха. Человеком, который на самом деле выступил в качестве претендента на престол, был младший брат покойного короля Карлос Мария Исидро де Бурбон, более известный как дон Карлос. На момент начала войны дону Карлосу было 45 лет; Поприщину в начале повести — 42 года. Дон Карлос являлся наследником престола до 1830 года (т. е. до 42 лет), когда Фердинанд VII опубликовал Прагматическую санкцию — документ, изменивший порядок престолонаследия и сделавший возможной передачу трона дочери монарха. Данный законодательный акт вызвал недовольство дона Карлоса и его сторонников, представлявших наиболее консервативную часть общества.²⁹ «Не может взойти донна на престол. Никкак не может. На престоле должен быть король» (3, 206–207), — заявляет Поприщин, и его слова согласуются с официально декларируемой программой карлистов.³⁰

«Она (Мавра. — А. Т.) испугалась оттого, что находится в уверенности, будто все короли в Испании похожи на Филиппа II. Но я растолковал ей, что между мною и Филиппом нет никакого сходства и что у меня нет ни одного капуцина» (3, 208), — пишет Поприщин в тот день, когда «король отыскался». Филипп II (король в 1556–1598 годах) — один из самых известных монархов в испанской истории, образ которого был сильно мифологизирован и стал составной частью «черной легенды» об Испании. С точки зрения испанских либералов, карлисты пытались вернуть страну к «мрачным» временам Филиппа II.³¹ Неслучайными являются и слова Поприщина относительно «капуцинов», т. е. членов одного из католических монашеских орденов. Как указывает М. Лоуренс, в начале войны один капуцин из Валенсии проповедовал, что эпидемия холеры, обрушившаяся на Испанию в 1832–1834 годах, была карой небес за «развращенность», т. е. «либерализм».³²

Кроме того, с первых дней Первой Карлистской войны и в самой Испании, и за ее пределами либералы рисовали своих противников как «невежественных» крестьян, возглавляемых «фанатичным» духовенством. Данная точка зрения находила отражение и на страницах российских газет. «Замечено, что тамошними (наваррскими. — А. Т.) многочисленными Гверильясами предводительствуют почти исключительно монахи», — писали «Санкт-Петербургские ведомости» 16 (28) ноября 1833 года.³³ Действительно, значительная часть низшего духовенства поддерживала карлистское восстание. В декабре 1833 года бывший нунций в Мадриде Ф. Тибери докладывал государственному секретарю Святого Престола кардиналу Т. Бернетти, что многие священники либо принимают активное участие в восстании, либо отказываются

²⁹ *Laurence M. Spain's First Carlist War, 1833–40. London, 2014. P. 3–4.*

³⁰ При этом династический спор стал лишь поводом для конфликта; истинные причины Первой Карлистской войны лежали в глубоких внутренних противоречиях между сторонниками конституционных преобразований и крайними консерваторами и в социальном недовольстве части населения севера Испании. См.: *Caridad A. La desigual distribución espacial del primer carlismo: una propuesta explicativa cuantitativa // Huarte de San Juan. Geografía e historia. 2018. № 25. P. 79–107.*

³¹ Ср. слова В. И. Немировича-Данченко относительно карлистов второй половины XIX века: «Я ненавижу карлистов, стремящихся в конце 19-го века навязать Испании старые лохмотья филипповских времен с св. Германдадой включительно» (*Немирович-Данченко В. И. Скобелев. М., 1993*).

³² *Laurence M. Spain's First Carlist War, 1833–40. P. 61.*

³³ Санкт-Петербургские ведомости. 1833. 16 нояб. № 269. С. 1148.

призывать к миру и покорности властям.³⁴ При этом было бы сильным преувеличением считать, что карлистское восстание было инспирировано исключительно духовенством. Сами карлисты всегда подчеркивали, что их движение поддерживается всеми слоями населения. Прокарлистски настроенный английский корреспондент М. Б. Хонан, посетивший Испанию в 1835–1836 годах, писал: «Хотя все предполагают, что окруженный со всех сторон монахами дон Карлос целый день напролет поет псалмы, на самом деле рядом с ним нет ни одного служителя культа, кроме его духовника».³⁵ Таким образом, Поприщин, заявляя, что у него нет ни одного капуцина, ведет себя в духе настоящих карлистов.

Особенное значение для сопоставления образа Поприщина с реальным доном Карлосом имеет событие, случившееся «некоторого числа»: «Ходил инкогнито по Невскому проспекту. Проезжал государь император. Весь город снял шапки, и я также; однако же я не подал никакого вида, что испанский король. Почел неприличным открыться тут же при всех...» (3, 210). Данная сцена коррелирует с реальным историческим эпизодом, который произошел с доном Карлосом летом 1834 года. В начале войны претендент на престол проживал в Португалии, а затем, в 1834 году, перебрался в Англию, где находился под надзором властей. В июле лидер карлистов бежал из Великобритании, инкогнито пересек Францию, нелегально перешел францужско-испанскую границу и 9 июля присоединился к своим сторонникам на севере Испании. Путешествие было подробно описано спутником дона Карлоса бароном де лос Вальес, который в следующем году выпустил на французском языке книгу «Глава из истории Карлоса V».³⁶ Во время поездки дон Карлос побывал в Париже, где издали видел короля Луи-Филиппа, проезжавшего в карете. Естественно, претендент на испанский престол не раскрыл свое инкогнито (в противном случае он был бы немедленно арестован, так как Франция была союзницей либерального правительства в Мадриде), но сказал своему спутнику: «Он (Луи-Филипп. — А. Т.) не догадывается, что я без разрешения пересекаю его владения».³⁷ Поприщин «не подал никакого вида», что он «испанский король»; аналогичным образом поступил летом 1834 года настоящий дон Карлос.

Естественно, о путешествии дона Карлоса было известно в России. «Бегство дона Карлоса — это прекрасный образец смелости»,³⁸ — охарактеризовала это событие княгиня Д. Х. Ливен в письме своему брату, начальнику III Отделения А. Х. Бенкендорфу 4 (16) июля 1834 года. 17 (29) июля 1834 года «Санкт-Петербургские ведомости» впервые сообщили о предприятии лидера карлистов.³⁹ Однако книга барона, в подробностях повествующая о путешествии, будет опубликована только в 1835 году, в то время как работа над «Записками сумасшедшего» завершилась осенью 1834 года. Мог ли Гоголь узнать о встрече дона Карлоса и Луи-Филиппа во время написания «Записок сумасшедшего»? Во второй половине июля 1834 года в петербургской прессе много писали о бегстве дона Карлоса. Например, «Северная пчела» 20 июля (1 августа) посвятила данному событию более половины раздела «Новости заграничные» и точно расписала маршрут, по которому следовал лидер карлистов.⁴⁰ Сюжет о встрече в Париже не по-

³⁴ Francesco Tiberi — Tommaso Bernetti. 1833. 20 dic. // Archivio Apostolico Vaticano. Segreteria di Stato. Esteri. Rubrica 249. Busta 439. Nunziatura di Spagna. Fascicolo 1. 1832–1834.

³⁵ Honan M. B. The Court and Camp of Don Carlos; Being the Results of a Late Tour in the Basque Provinces, and Parts of Catalonia, Aragon, Castile, and Estramadura by Michael Burke Honan. London, 1836. P. 102–103. Перевод здесь и далее мой. — А. Т.

³⁶ Saint-Sylvain L. X. A. Un chapitre de l'histoire de Charles V, par le baron de los Valles, aide-de-camp du Roi d'Espagne, brigadier dans ses armées, chevalier pensionné de l'ordre de Charles III, et chevalier de l'ordre militaire de Saint-Ferdinand de seconde classe, etc., etc. Paris, 1835. Интересно, что один экземпляр данного труда был отправлен в подарок российскому императору Николаю I.

³⁷ Ibid. P. 180.

³⁸ Letters of Dorothea, Princess Lieven, During Her Residence in London, 1812–1834 / Ed. by L. G. Robinson. London; New York; Bombay, 1902. P. 378.

³⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1834. 17 июля. № 164. С. 642.

⁴⁰ Северная пчела. 1834. 20 июля. № 162. С. 646–647.

пал на страницы петербургских газет, но он вполне мог циркулировать по Санкт-Петербургу в качестве слуха и быть использованным Гоголем в работе над повестью.⁴¹

В конце повести Поприщин наконец-то оказывается в «Испании», то есть в сумасшедшем доме. Он задается вопросом: «Не попался ли я в руки инквизиции» (3, 213). Испанская инквизиция была упразднена в июле 1834 года, за несколько месяцев до завершения работы над повестью. При этом некоторые сторонники дона Карлоса, особенно крайний правый фланг карлистского движения, выступали за восстановление данного учреждения. В свою очередь испанские либералы использовали образ инквизиции в пропаганде, стараясь представить своих противников как религиозных фанатиков. Например, генерал правительственной армии Л. Фернандес де Кордоба, обращаясь к своим войскам, назвал их «солдатами испанской свободы», которые противостоят «защитникам Инквизиции».⁴² Поприщин не просто завершает свой путь в качестве «испанского короля» в сумасшедшем доме; он воспринимает его в качестве инквизиции, которая в реальности была отменена «взошедшей на престол донной».

«Записки сумасшедшего» были написаны и опубликованы Гоголем во время Первой Карлистской войны в Испании. Как мы показали, автор включил в текст целый ряд отсылок к конфликту на Пиренейском полуострове. Главный герой произведения имеет некоторые черты, делающие его похожим на дона Карлоса, настоящего претендента на испанский престол.

В конце повести Поприщин оказывается в сумасшедшем доме; его претензии на испанский престол воспринимаются окружающими как помешательство. Настоящий дон Карлос также потерпел поражение: после завершения Первой Карлистской войны он был вынужден бежать во Францию, где проживал под надзором властей. С точки зрения многих наблюдателей в Европе, попытка испанских карлистов остановить реформы в государстве и вернуться ко временам «славного» прошлого была таким же безумием, как помешательство Поприщина.

⁴¹ Можно провести еще одну любопытную параллель между доном Карлосом и героем «Записок сумасшедшего», которая, несомненно, является совпадением: русский чиновник Поприщин заявляет о том, что он «испанский король»; в то же время, как пишет барон де лос Вальес, настоящий дон Карлос (с точки зрения своих сторонников — законный король Испании) во время путешествия через Францию в одной ситуации выдал себя за российского чиновника из Министерства иностранных дел (*Saint-Sylvain L. X. A. Un chapitre de l'histoire de Charles V... P. 192*).

⁴² *Lafuente M., Valera J., Borrego A., Pirala A. Historia general de España desde los tiempos primitivos hasta la muerte de Fernando VII por Don Modesto Lafuente, continuada desde dicha época hasta nuestros días por Don Juan Valera con la colaboración de D. Andrés Borrego y D. Antonio Pirala. Barcelona, 1890. T. XX. P. 350.*

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-165-173

© И. В. Немировский

КАПИТАН ЛЕБЯДКИН И В. К. ТРЕДИАКОВСКИЙ

Значимость поэзии XVIII века для стихотворчества капитана Лебядкина — давно отмеченный феномен. Суммируя наблюдения своих предшественников, современная исследовательница К. Бланк писала о том, что «в своих стихах Лебядкин подражает поэтике XVIII века, имитируя стилистику Державина, Крылова, Ломоносова и Сумарокова, ориентируясь на жанры классицизма: оду, басню, сатиру, стихи на случай».¹

¹ Бланк К. Стихи капитана Лебядкина: Шостакович и Достоевский // *Opera Musicologica*. 2012. № 3 (13). С. 26.